

Доморощенный терроризм — тикающая бомба России

Александр Фишер

Исследователь Проекта FPRI (США).

Майя Отарашвили

Научный сотрудник и координатор программы проекта демократических преобразований FPRI (США).

На зимней Олимпиаде в Сочи вновь проявилась серьезная проблема внутреннего терроризма в России.

Однако, благодаря искусственному маневрированию Владимира Путина внимание международного сообщества было успешно отвлечено на Украинский кризис, по-дальше от этой тревожной темы.

Это проблема, которую не удастся замести под ковер, так как существуют важные международные последствия для назревающих в России внутренних террористических проблем.

Террористические группы на Северном Кавказе являются частью стремительно глобализирующейся сети джихадистов и террористов-одиночек.

Смертники Бостонского марафона служат хорошим примером таких прошедших онлайн-обучение, самодеятельных экстремистов, которые использовали свой Чеченской опыт в качестве вдохновения при поиске информации в интернете и ведения своего джихада.

Интересы Путина лежат совсем в другой области.

Он напряженно работает над созданием иллюзии сильной Российской империи, которая может перевесить Запад.

Он очень ясно показал, что планирует добиться этого путем реставрации славы России советской эпохи в той степени, какая окажется возможной, используя любые необходимые средства.

С другой стороны, угроза терроризма в России не является ни незначительной, ни дремлющей, и россияне продолжают выражать растущие страхи по поводу внутренних террористических атак.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 63% россиян не верят, что власти смогут защитить их от террористической деятельности, и 44% из них считают, что от терроризма нет спасения.

Между 1990 и 2013 годами (за исключением 2009 года), примерно 50% русских выражали опасение, что они или их близкие могут стать жертвами терактов.

В тот же период времени Россия пережила более 150 инцидентов, связанных с террористическими актами.

И с тех пор, как Путин стал президентом в 1999 году, в России произошло 130 террористических актов, из них взрывы в жилом доме в Москве (1999), кризис с заложниками в театре на Дубровке (2002) и взрывы в школе в Беслане (2004) — одни из наиболее громких.

Эти три крупных террористических атаки, а также серия взрывов террористов-смертников в конце 2013 высвечивают все еще нерешенную проблему внутреннего терроризма, перед которой стоит Россия.

До настоящего времени Путин был в состоянии использовать опасения русских по поводу террористических атак, чтобы поддерживать собственный рейтинг, но это досталось ему по очень дорогой цене, а для обеспечения стабильного и прочного мира на Северном Кавказе мало чем помогло.

Кроме того, во внутреннем терроризме в России в последние десятилетия отмечается тревожная трансформация.

Она превратилась из светского сепаратистского движения в Чечне и внутренних религиозных течений в Дагестане, в международный финансируемый центр для джихадистов.

Но террористические движения Чечни и Дагестана не только входят в международную сеть террористов, им также можно приписать создание новых методов терактов, совершаемых террористами-смертниками.

Используя скорбящих женщин — членов семей погибших боевиков, чеченские террористы добились того, что когда российские власти отрубают голову пресловутому дракону, на ее месте вырастает еще несколько в виде так называемых «черных вдов».

Две чеченских войны

Терроризм в России берет начало в регионах Северного Кавказа — Дагестане, Северной Осетии, Ингушетии и Чечне.

Враждебные русско-чеченские отношения восходят к присоединению Чечни к Российской империи в 1870 году.

Попытки Чечни обрести независимость от России закончились кровопролитием и непрекращающейся с тех пор войной.

В 1944 году более полумиллиона чеченцев, ингушей и представителей других северокавказских народов были сосланы советским правительством в Сибирь и Центральную Азию в качестве наказания за сотрудничество при вторжении немецких войск в 1940-1944.

После долгих лет под властью Российской империи, затем большевистской России, а позднее Советского Союза, Чечня, наконец, смогла воспользоваться распадом Советской России в начале 1990-х годов.

После распада Советского Союза, Чечня провозгласила независимость в 1993 году как Чеченская Республика Ичкерия.

Лишь через год после того, как Чечня провозгласила независимость, правительство России воспользовалось внутренними распрями в республике и объединило свои силы с чеченскими сепаратистами, чтобы начать атаку на ее столицу, город Грозный.

Последовавший конфликт длился почти два года, завершившись в августе 1996 года после ряда кровавых столкновений, в ходе которых тысячи людей были убиты, ранены, или были перемещены в другие места.

И хотя в 1997 году был подписан формальный мирный договор, менее чем через два года Чеченская исламская интернациональная бригада начала вторжение в соседнюю Российскую Республику Дагестан.

Вооруженный конфликт завершился крупной победой России и привел ко второй Чеченской войне.

Эта война закончилась в мае 2000 года после того, как Россия установила прямое правление над Чечней.

Жесткая тактика России в ходе конфликта в корне изменили характер Чеченской борьбы за независимость, превратив ее в более широкое движение отщепеня, которое со временем стало подпитываться джихадистской идеологией.

Светский сепаратизм обернулся в джихад

Считается, что Ислам пришел на Северный Кавказ в 7 веке, однако лишь в 16 веке большинство чеченцев приняло эту религию.

Однако, как поясняет профессор Принстонского университета Майкл Рейнольдс, «устои и традиции чеченцев, известные как *asadat* от арабского слова, означающего «традиция», отличающие их от шариата, продолжали определять их жизнь.

Семь десятилетий подавления коммунистами религиозной практики, однако, оставили подавляющее большинство чеченцев в неведении относительно самой практики и доктрины своей веры, но с желанием узнать о ней больше.»

Таким образом, первая чеченская война не только привлекла огромное внимание международного сообщества по причине жестоких военных преступлений, но также породила радикальный Исламизм в Чечне и мгновенно вызвала интерес среди джихадистов всего мира.

По словам Рейнольдса, вместе с оружием террористы принесли на Кавказ строгую и суровую интерпретацию ислама, известную как салафизм.

Кроме того, знание арабского языка и умение цитировать в оригинале такие источники ислама, как Коран, в сочетании с готовностью жертвовать собой ради джихада показали себя убедительными для многих молодых чеченцев.

Таким образом, светское движение за независимость Чечни, которое началось в начале 1990-х годов, обернулось, в конце концов, в экстремистское из-за того, что привлекло внимание не той части международного сообщества.

Фаза повстанческого движения, которая последовала за второй Чеченской войной, закончилась лишь в начале 2009 года.

Террористы оказались способны не только оспорить правление Москвы в Чечне в течение девяти лет, но также создали постоянный центр радикальных исламистов, предположительно связанный с Талибаном.

И действительно, небольшая группа повстанцев все еще борется в Республике под флагом самопровозглашенного «Исламского государства Эмират Кавказа», и не так ослаблена, как Путин хотел бы заставить поверить международное сообщество.

Это заблуждение оказалось очевидным в преддверии зимних Олимпийских Игр 2014 года в Сочи. Две смертницы совершили нападения на центры общественного транспорта в Волгограде в декабре 2013 года.

Эти события в очередной раз напомнили россиянам об угрозе внутреннего терроризма и той критически важной роли, которую в этой угрозе могут играть женщины.

«Черные Вдовы»

Хотя в настоящее время джихадисты в Чечне считаются маргинальной группировкой и подавлены, они, тем не менее, смогли сохранить значительную степень влияния, используя женщин-смертниц.

Вторая Чеченская война явилась идеальной почвой для вербовки «черных вдов», многие из которых потеряли своих мужей, семьи и дома во время российской антитеррористической кампании в Чечне.

Сочетание религиозных и политических мотивов в дополнении к чувству скорби и потребности мести, оказалось эффективным мотивом в убеждении женщин присоединиться к джихадистскому движению.

Есть сведения, что почти половина взрывов террористов-смертников в России с 2000 года совершена женщинами-террористками.

По состоянию на август 2013 года, 46 женщин террористок-смертниц совершили взрывы в России, явившиеся кульминацией 26 террористических атак.

Соответственно, феномен «черных вдов» не может быть отнесен к серии отдельных атак, но является частью систематического плана по наказанию России за ее действия в Чечне.

В этом отношении смертниц, участвовавших в атаке в театре на Дубровке (2002 г.) и кризис с заложниками в школе Беслана (2004 г.) оставили глубокое впечатление на российских граждан и их взгляды на терроризм.

Но в то время как большинство экспертов считают, что «черными вдовами» движет, главным образом, горе, дебаты по поводу их точной мотивации остаются не до конца разрешенными.

По словам Энн Спекхард и Хапты Ахмедковой, женщин, ставших черными вдовами, они были глубоко травмированы насильственными смертями в их семьях.

Однако, душевная травма сама по себе не может объяснить их действий.

Спекхард и Ахмедкова также утверждают, что душевная травма была связана с пропагандистской идеологией террора, которой придерживается организация, способная снабдить женщин всем необходимым для совершения теракта.

Вив Гроскоп видит вещи совсем по-другому. Она считает, что чеченских женщин-мучениц скорее всего заставляют, шантажируют и промывают им мозги, доводя до смерти.

Тем не менее, вне зависимости от мотивировки, один факт остается неизменным: черные вдовы всегда действуют от имени повстанческой группы.

Они стали неотъемлемой частью действий чеченских террористов по отмщению России.

Дагестан в фокусе

Во многих отношениях для Москвы подавление джихадистов в Дагестане, а также сохранение там относительной стабильности, оказалось, более сложной задачей, чем в Чечне.

Дагестанцы в основном мусульмане-сунниты.

Тем не менее, фундаменталистско-салафитская ориентация недавно вытеснила традиционное направление суфийского суннитского ислама, вызвав серьезные беспорядки.

Как и в Чечне, финансирование из стран Ближнего Востока вызвало появление экстремальных религиозных движений в Дагестане, предоставило информацию о глобальном джихаде и создало тесные связи с экстремистами в Саудовской Аравии.

Это, по сути, направило ислам в Дагестане в сторону ваххабизма и создало насильственный раскол в обществе.

Попытки России бороться с экстремизмом привели лишь к обострению кризиса.

В начале 2000-х был достигнут определенный прогресс в направлении достижения мира между суфиями и салафитами после того, как правительство Дагестана приняло ряд мер по смягчению политики в отношении групп боевиков-повстанцев.

Эти меры были сосредоточены скорее на реинтеграцию повстанческих групп в общество, а не их преследование.

И хотя такая политика не принесла немедленного мира в регионе, она, тем не менее, помогла начать диалог между двумя религиозными группами.

Это не означало, что теракты в Дагестане полностью прекратились.

В августе 2012 года, видный лидер суфистского движения и пятеро его последователей были убиты террористкой-смертницей.

Убийство Саида Афанди — как сообщается, часто критиковавшего ваххабизм — способствовали дальнейшей эскалации напряженности в Дагестане.

Согласно отчету Международной Кризисной Группы от 2013 года, серьезный сдвиг в действиях дагестанского правительства по достижению безопасности произошел после избрания в качестве президента Рамазана Абдулатипова.

Кампания запугивания религиозных лидеров салафитов заставила многих из них оставить общественную жизнь и даже саму республику.

Также прокатилась волна арестов и казней не только родственников, знакомых, подозреваемых пособников боевиков, но и верующих салафитов в более широком плане.

В докладе кризисная группа приходит к выводу, что Москва фактически поддержала эту жесткую политику, так как хотела быстрого решения проблем Дагестана в преддверии зимних Олимпийских игр в Сочи.

В то же время, многие аналитики утверждают, что жестокое подавление ваххабитов в Дагестане только усугубляет проблему.

По их мнению, Москва должна быть готова к неминуемому извержению на Северном Кавказе.

Путин ходит на цыпочках?

Несмотря на то, что вопрос о террористических организациях на Северном Кавказе довольно сложен и они начинают перетекать в Южный Кавказ, Путин добился определенных успехов в использовании местных актеров в Чечне и Дагестане для охоты на них.

Пожалуй, наиболее высокий рейтинг был у местного актера Ахмада Кадырова, лидера мятежников, который перешел на сторону России в разгар второй чеченской войны, прежде чем стать президентом республики в 2003 году.

Сын Кадырова, Рамзан, заменил отца на посту президента в 2007 году, и также стал ценным союзником Путина в регионе.

Основная поддержка Москвой нынешнего президента Чечни приходит в форме финансирования антитеррористического подразделения, известного как «кадыровцы».

Это подразделение, несомненно, сыграло важную роль в обеспечении соблюдения жесткой репрессивной политики Путина по отношению к террористам в преддверии Сочи.

Тем не менее, в то время как Рамзан принес относительную стабильность в Чечню, это не прекратило обвинений в коррупции и нарушениях прав человека, которые просто подлили масла в огонь чеченской враждебности по отношению к России.

Это, в свою очередь, вызвало появление своего рода международный контроль, которого Путин хочет избежать.

Наряду с широким международным осуждением, комментаторы, такие как Фарид Закария высмеяли действия Москвы в Чечне и Дагестане.

Он считает, что если бы Россия подошла к проблеме Чечни с меньшей жестокостью и пошла на уступки, оппозиция была бы намного более управляемой.

Закария также напоминает нам, что чеченское восстание не было изначально орудием исламского экстремизма и не должно было им стать.

Теперь, учитывая характер и свирепость террористов, с которыми она сталкивается, Россия может не иметь выбора, кроме как продолжать тушить огонь при помощи огня.

Но это не означает, что Путин не был успешен, обрамляя свои действия в Чечне как антитеррористическую кампанию.

Вместо того, чтобы представить вторую чеченскую войну как борьбу России против попытки автономной республики обрести независимость, он сумел изобразить ее как часть глобальной «войны с терроризмом».

Эта смена парадигмы принесла большее принятие действий Путина в Чечне Западом.

Кроме того, комментарий по поводу сосредоточения на глобализации терроризма в сети Интернет и других медиа-ресурсах служит напоминанием, что доромощенный терроризм в России является проблемой с международными последствиями.

Это также вполне помогает понять и, конечно, оправдывает поддержку Путиным Сирийского лидера Башара аль-Асада.

Больше всего на свете Путин опасается выплеск сирийского кризиса в Чечню.

Авторитарный режим, который подавляет своих граждан является более благоприятным, чем тот, который мог бы экспортировать еще большую неуверенность в Россию.

Следовательно, Москва по-прежнему имеет личную заинтересованность в оказании финансовой и политической поддержки правительствам Чечни и Дагестана.

Без подобных кадыровых под контролем, иллюзия мира на Северном Кавказе может опять быть разрушена — в ущерб основной территории России.

На данный момент, однако, именно агрессивная внешняя политика России по-прежнему часто стоит на повестке дня в международных политических кругах.

Тем не менее, также важно учитывать свои внутренние проблемы, и, в частности, ту бомбу замедленного действия, которой является охваченный терроризмом Северный Кавказ.